

Славянофильство как религиозная и богословская мысль России: опыт осмысления

© Б.С. Клементьев

Саратовский государственный университет, Саратов, 410026, Россия

Проанализированы характер и значения основных идей славянофильства для интеллектуальной и социальной жизни России. Выделены три главных этапа в становлении славянофильства. Отмечено, что главным нервом самобытности славянофильства всех его периодов было православие и православие не как богословская наука, но сама православная жизнь, требовавшая и подчинения всей жизни соответствующим идеалам. Особое внимание уделено рассмотрению третьего периода развития славянофильства, для которого характерна ориентация на общественно-политическую составляющую позиции славянофилов. Сделан вывод, что лишь внешней принадлежности к духовной традиции недостаточно для правильной ее научной вербализации, однако и жизнь в православном духе автоматически не ведет к верной объективации научной традиции. Необходимы счастливое сочетание научных и духовных усилий, глубокое знание православно-христианской традиции, постоянная и неизменная жизнь в этой традиции, знание и понимание реалий современности, участие в конкретных делах и событиях общественного значения.

Ключевые слова: славянофильство, западничество, православие, национализм, цивилизация

Славянофильство — достаточно известный термин для обозначения определенного общественного и философского течения русской мысли, этимологически связанный с особо теплым отношением к истории и культуре славянских народов, которые в западной историографии очень часто называют народами на обочине европейского прогресса. Данная социально-культурологическая этимология должна быть дополнена и уточнена через религиозный фактор: история и культура славян в их своеобразии базируется на православии, что дает право говорить в данном контексте не о всех славянах, а лишь о восточных и южных, получивших свою веру через самую могущественную в экономическом и культурном смысле державу Средневековья — Византию. Забота о православии в его социально-политическом значении и мусульманское иго, под которое попали Византия и южнославянские народы, породило концепцию Москвы как третьего Рима, играющую в славянофильских построениях немаловажную роль.

В качестве критического замечания выскажем предварительную мысль о том, что любовь к чему-то количественно большому со сто-

роны ограниченного земного человека всегда приобретает характер абстрактный, рыхло-аморфный в практическом применении, но преувеличенно-пафосный и некритичный в своем интеллектуальном представлении. Подобную картину можно наблюдать и в развитии славянофильства: когда любовь к славянским народам покидала практическую почву, она очень часто приобретала гротескные формы политических авантюр (типа отвоевания Константинополя у турок) или исторических мифов. Здесь не следует лишь упускать из виду те продукты мифотворчества западников, которые в отношении славян с еще большим размахом внедрялись в западноевропейское и российское сознание.

Если отнестись к понятию «славянофил» буквально, то первыми реальными славянофилами можно смело назвать святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия. Не будучи вдохновленными любовью к славянам, они вряд ли смогли бы понять, что и как содержится в словах и выражениях славян, почему для них древнегреческий алфавит не подходит, и, наконец, не стали бы утруждать себя созданием славянского алфавита. Даже не столько созданием азбуки, сколько созданием слов и выражений для передачи смыслового богатства греческого языка на славянском. Известный греческий славист А.-Э.Н. Тахиаос замечает: «Следовательно, Кирилл не просто создал азбуку, но так преобразил славянский язык, что он смог вместить в себя понятийное богатство языка греческого. Это было нечто существенно более важное, чем всего лишь составление азбуки. Преображенный таким образом славянский язык послужил основой для создания совершенно самобытной и удивительно цельной славянской духовной культуры. Именно в этом и заключается суть всемирно-исторической деятельности Кирилла и Мефодия» [1].

Примечательно, что и второй период славянофильства (XIX — начало XX в.), наиболее продуктивный и разнообразный, начался с лингвистической полемики вокруг книги адмирала и писателя А.С. Шишкова, в которой тот отстаивал значение церковнославянского языка. Но главные достижения второго периода славянофильства следует искать все же не в лингвистике, а в историко-философских идеях.

Необходимо сделать осторожное замечание по поводу часто встречающихся утверждений о гегельянско-шеллингианских корнях философии славянофилов. По мнению автора статьи, истоки их историко-философской позиции следует искать прежде всего в России, в русской действительности. Сошлемся при этом на свидетельство позднего славянофила Н.П. Гилярова-Платонова, который в 1875 г. в отзыве на сочинения К.С. Аксакова писал: «За отысканием родины славянофилов нужно отправляться не в Германию к Гегелю, а, оставаясь в той же России, отодвинуться ко временам Екатерины II и Александра I. Россия была наверху могущества, национальная слава

воспевалась; мы хвалились собою, мы любовались. Чего стоит один двенадцатый год! Из самовосхваления образовалась целая литература... Для того чтобы создавать системы о превосходящем величии русского народа и его, так сказать, мессианском призвании, не надобно никакого Гегеля» [2].

Укорененностью в русской действительности и в жизни простого русского человека основных идей славянофильства может быть объяснено и то, что оно смогло стать выражением самосознания русского народа. И не просто выражением, но и реальным его развитием. «Логикой вещей, — подчеркивает один из современных отечественных мыслителей С.С. Хоружий, — именно традиционалисты-славянофилы, а не прогрессисты-западники оказывались призваны к новой постановке философских, религиозных, историософских проблем, к созданию моделей и парадигм российского исторического и духовного процесса. В этом и коренится их особая роль в развитии русского самосознания, прочно признанная сегодня и русской, и западной наукой» [3].

Конечно, главным нервом самобытности славянофильства всех его периодов было православие и православие не как богословская наука, но сама православная жизнь, требовавшая и подчинения всей жизни соответствующим идеалам. Апогеем второго периода славянофильства можно считать сотрудничество и соработничество братьев Киреевских и старцев Оптиной пустыни по актуализации святоотеческого наследия. Историк русской литературы, один из главных инициаторов сборника «Вехи» М.О. Гершензон полагал, что в славянофильстве и западничестве «столкнулись две психологии: религиозная и рационалистическая. Одна группа составила из людей, в которых врожденные задатки космического чувства окрепли и развились под влиянием ближайшей среды и воспитания, другая — из людей, в которых эти задатки, более слабые, вероятно, от природы, были заглушены воспитанием и наукой. Так возникли два лагеря и две программы; одна гласила: внутреннее устройство личности, другая — усовершенствование общественных форм» [4].

Солидарен с подобной оценкой характера противостояния славянофилов с западниками и современный отечественный философ и богослов о. Георгий Флоровский: «Не в области общественно-исторического мирозерцания возник раздор; раскол совершился и раньше, и глубже — в сфере идеалов. И более того, прежде чем стать двумя антагонистическими идеологиями, “славянофильство” и “западничество” были двумя психологическими типами, двумя различными мироощущениями» [5].

Неверно усматривать содержание, стержень славянофильства в проповеди национальной исключительности, в национализме. Идею

здорового национализма, развиваемую славянофилами, разделял и Ф.М. Достоевский: «Ведь тогда только и можем мы хлопотать об общечеловеческом, — подчеркивал он в одной из своих статей “Два лагеря теоретиков”, — когда разовьем в себе национальное... Прежде чем понять общечеловеческие интересы, надобно усвоить себе хорошо национальные, потому что после тщательного изучения национальных интересов будешь в состоянии отличать и понимать чисто общечеловеческий интерес» [6].

Для третьего периода характерна ориентация на общественно-политическую составляющую позиции славянофилов. Сегодня, с натиском западных стандартов, западной масскультуры, навязывания социальных и нравственно-духовных идеалов, базирующихся на крайнем индивидуализме и утилитаризме и в то же время невозможности построения однополярного мира, что воочию демонстрирует современный кризис, употребляя удачное выражение В. Эрн, само «время славянофильствует».

Современные славянофилы отталкиваются от того, что критики и даже предательства России со стороны русской интеллигенции в XX в. было предостаточно. Поэтому следует от негативного образа Родины, получаемого, по их мнению, в рамках западнической позиции, обратиться к формированию образа реального. А если Россия выстояла в таком натиске враждебных сил и событий, который ей уготовило прошлое столетие, то реальный образ должен иметь крепкие и здоровые истоки и величественные перспективы. Создаваемый позитивный образ России должен, с одной стороны, получить оправдание от своих предпосылок и оснований, с другой — оправдать ожидание остающейся загадочной миссии России в истории.

Развивая славянофильские идеи Н.Я. Данилевского, отечественные мыслители стремятся в новых современных исторических условиях изобличить формулу П.Я. Чаадаева, согласно которой православие не поняло исторический аспект христианства, и поэтому Россия оказалась на обочине мирового исторического прогресса, в полной несостоятельности. Единственной достойной альтернативой глобализму либерального западного общества они считают «православную цивилизацию».

Из всех вызовов глобальному порядку, стремительно формирующемуся на наших глазах, наиболее продуктивным отечественные мыслители полагают именно вызов со стороны православной цивилизации. В отличие от цивилизаций китайской или мусульманской, православная, по их мнению, предлагая абсолютно иные основания и ценности, сущностно противоположна господствующей сегодня западно-либеральной цивилизации.

Антиномию либеральный — православный отечественный философ А.С. Панарин укореняет в моральной антиномии зло — добро и

экономической потребности — дарение. Согласно его убеждению, становление либеральной цивилизации происходит за счет коррозии архетипической субстанциальности добра и дарения. Идейными вдохновителями и, как принято сегодня выражаться, модераторами подобной субстанциальной коррозии архетипических начал человеческой цивилизации он объявляет К. Маркса, Ф. Ницше, З. Фрейда и Ф. Соссюра. Концепции этих четырех авторов, по мнению Панарина, представляют собой разновидность эзотерического гнозиса открывают для своих сторонников скрытые для непосвященных пружины тех или иных человеческих поступков.

В православии человек возвращает себе полноту бытия через космоцентрическую установку сознания. Ее отличие от подобной установки Античности отечественный философ находит в том, что после Богоявления космос пребывает в преображенном состоянии. Указанную космоцентрическую установку Панарин противопоставляет социоцентризму западного мира. Он полагает, что православие преимущественно мистично и органично-разрушительно для любых социальных структур, стремящихся погрузить человека в посусторонний мир иллюзий безопасности и комфорта. Глобализация же, напротив, насквозь социоцентрична, так как возрождает те проблемы, которые, казалось, уже ушли в далекое капиталистическое прошлое: раскол на богатых и бедных, империалистическую борьбу за передел мира, классовую эксплуатацию и прочее.

В.Н. Тростников считает православную цивилизацию последней и самой совершенной в череде исторических цивилизаций, придерживаясь при этом концепции инока Филофея и учения Данилевского. «Подобно тому, как цепочка видов, — подчеркивает он, — заканчивается на самом разумном существе — человеке, так последовательность цивилизаций заканчивается самой совершенной, т. е. обладающей максимально возможной для человека полнотой истины. Этой заключительной для исторического процесса цивилизацией является православная цивилизация» [7].

Каковы же главные уроки и перспективы славянофильства?

Как всякое направление общественной мысли, славянофильство проходит определенный ряд своих изменений и превращений в течении времени, о которых кратко уже было сказано, что позволяет произвести оценки достижений и неудач, наметить пути дальнейшего возможного развития славянофильства.

В данных оценках можно выделить два основных ракурса рассмотрения славянофильства: условно назовем их внешний и внутренний. Внешний всегда будет напрямую связан с тем, что принято называть национальным своеобразием, национальными особенностями, которые принадлежат как к инвариантным архетипическим

характеристикам, так и к приобретенным в специфике исторических судеб свойствам. Поэтому волей-неволей славянофильство тяготеет к охранительным консервативным направлениям отечественной мысли, настороженно относясь к любым революционным методам развития. В то же время оно не чуждо современным событиям, стремясь выработать адекватные ответы на вызовы истории.

Внутренний ракурс рассмотрения славянофильства связан с целостностью всех его частей, духовной и культурной традиции, что, в свою очередь, предусматривает и тесную связь с православным вероучением и духом православия.

Главный урок, преподносимый феноменом славянофильства, заключается в том, что лишь внешней принадлежности к духовной традиции недостаточно для правильной ее научной вербализации, однако и жизнь в православном духе автоматически не ведет к ее верной объективации. Как это ни тривиально звучит, но необходимы счастливое сочетание научных и духовных усилий, глубокое знание православно-христианской традиции, постоянная и неизменная жизнь в этой традиции, знание и понимание реалий современности, участие в конкретных делах и событиях общественного значения. Только в том случае, если будет жить святоотеческое наследие, будет осуществляться его научная и духовная актуализация, будут passionately восприниматься вызовы исторического времени, можно будет надеяться на появление новых великих русских и славянских мыслителей.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Тахиаос А.-Э.Н. *Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян*. Сергиев Посад, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005, с. 110.
- [2] Шаховской Н.В., Гиляров-Платонов Н.П., Аксаков К.С. *Русское обозрение*, 1895, № 12, с. 511, 512.
- [3] Хоружий С.С. Алексей Хомяков и его дело. В кн.: *Опыты из русской духовной традиции*. Москва, Парад, 2005, с. 67.
- [4] Гершензон М.О. *Исторические записки (о русском обществе)*. Москва, Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1910, с. 137.
- [5] Флоровский Г.В. Вечное и преходящее в учении русских славянофилов. В кн.: *Христианство и цивилизация. Избранные труды по богословию и философии*. Санкт-Петербург, Русская Христианская гуманитарная академия, 2005, с. 88.
- [6] Достоевский Ф.М. Два лагеря теоретиков. В кн.: *Post Scriptum. Сборник*. Москва, Эксмо, 2007, с. 822.
- [7] Тростников В.Н. Кто вправе считать себя русским? *Трибуна Русской мысли*, 2007, № 7, с. 40.

Статья поступила в редакцию 14.10.2019

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Клементьев Б.С. Славянофильство как религиозная и богословская мысль России: опыт осмысления. *Гуманитарный вестник*, 2019, вып. 5.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2019-5-627>

Клементьев Борис Семенович — канд. филос. наук, профессор кафедры «Этика и эстетика» Саратовского государственного университета. Область научных интересов: философия русского космизма, этос науки, философия и социология образования. e-mail: laima.7@mail.ru

Slavophilism as a religious and theological thought of Russia: the experience of comprehension

© B.S. Klementyev

Saratov State University, Saratov, 410026, Russia

The paper analyzes the nature and significance of the basic ideas of Slavophilism both for the intellectual and social life of Russia. Three main stages in the development of Slavophilism are identified. It is emphasized that the main nerve of the identity of Slavophilism of all its periods was Orthodoxy and Orthodoxy not as a theological science, but the Orthodox life itself requiring the submission of all life to the corresponding ideals. The special attention is paid to the consideration of the third period of the development of Slavophilism characterized by an orientation toward the socio-political component of the Slavophile position. It is concluded that it is not enough to belong only externally to the spiritual tradition for its correct scientific verbalization but, on the other hand, life in the Orthodox spirit does not automatically lead to its true objectification. A fortunate combination of scientific and spiritual efforts, a deep knowledge of the Orthodox Christian tradition, a constant and unchanging life in this tradition, knowledge and understanding of the realities of the present, participation in particular acts and events of public importance are necessary.

Keywords: Slavophilism, Westernism, Orthodoxy, nationalism, civilization

REFERENCES

- [1] Takhiaos A.-E. N. *Svyatye bratya Kirill i Mefodiy, prosvetiteli slavyan* [The Holy Brothers Cyril and Methodius, the enlighteners of the Slavs]. Sergiev Posad, Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra Publ., 2005, 110 p.
- [2] Shakhovskoy N.B., Gilyarov-Platonov N.P., Aksakov K.S. *Russkoe obozrenie — Russian review*, 1895, no. 12, pp. 511–512.
- [3] Khoruzhy S.S. *Aleksey Khomyakov i ego delo* [Alexei Khomyakov and his cause]. In: *Opyty iz russkoy dukhovnoy traditsii* [Experiences from the Russian spiritual tradition]. Moscow, Parad Publ., 2005, 67 p.
- [4] Gershenzon M.O. *Istoricheskie zapiski (o russkom obshchestve)* [Historical Notes (about the Russian society)]. Moscow, Tipografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev & K^o Publ., 1910, 137 p.
- [5] Florovsky G.V. *Vechnoe i perekhodyashchee v uchenii slavyanofilov* [Eternal and transient in the teachings of Russian Slavophiles]. In: *Khristianstvo i tsivilizatsiya. Izbrannye Trudy po bogosloviu i filisofii* [Christianity and civilization. Selected works on theology and philosophy]. St. Petersburg, Russkaya Khristianskaya gumanitarnaya akademiya Publ., 2005, 88 p.
- [6] Dostoevsky F.M. *Dva lagerya teoretikov* [Two camps of theorists]. In: *Post Scriptum. Sbornik* [Post Scriptum. Anthology]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, 822 p.
- [7] Trostnikov V.N. *Tribuna russkoy mysli — Tribune of Russian thought*, 2007, no. 7, p. 40.

Klementyev B.S., Cand. Sc. (Philos.), Professor, Department of Ethics and Aesthetics, Saratov State University. Research interests: philosophy of Russian cosmism, ethos of science, philosophy and sociology of education. e-mail: laima.7@mail.ru